

Б.Ж. Атантаева¹
Т.А. Камалджанова²

¹Университет имени Шакарима, Семей, Казахстан
²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: batantaeva@mail.ru¹, takhira.kamaljanova@mail.ru²)

Депортационная повседневность: источники и материалы (на примере Восточного Казахстана)

Аннотация. На основе изученных документальных источников Центрального государственного архива и Архива Президента РК (Алматы), региональных архивов Восточно-Казахстанской области (Усть-Каменогорск, Семей, Аягуз), где отложился целый пласт документов по рассматриваемой теме, воссоздается объективная картина повседневности депортированных на территорию Восточно-Казахстанской области народов: немцев, чеченцев, ингушей и др.

В конце 1930-х годов депортированные народы направлялись в отдаленные районы на спецпоселения (отсюда и название «спецпоселенцы», «спецпереселенцы»). К числу таких территорий был отнесен и Казахстан. Насильственно выселенные из родных мест народы формально сохраняли статус полноправных советских граждан, но были лишены права передвижения и свободного выбора местожительства.

Содержащиеся в архивах документы позволяют раскрыть различные аспекты рассматриваемой темы, показывая повседневную жизнь спецпоселенцев: трудности и проблемы, с которыми они столкнулись в ходе расселения и размещения на новом месте. Систематизация выявленных источников позволила определить численность и расселение спецпереселенцев, их хозяйственно-бытовое и трудовое устройство. Анализ документов показал, что размещение спецпоселенцев на новом месте было сложным, что привело к негативным социальным и демографическим последствиям. Положение депортированных народов, несмотря на принятые меры по хозяйственно-бытовому и трудовому устройству, было тяжелым.

Депортация народов привела к невосполнимому урону материальной и духовной культуры этносов, обрекла людей на низкий социальный статус и жизненный уровень. Но, благодаря поддержке местного населения, люди смогли не просто выжить, но и адаптировавшись к новым условиям, внести свой вклад в экономическое развитие региона в это сложное время.

В статье приведен тщательный и детальный анализ источников регионального архива, что позволило решить поставленные в работе задачи и на основе анализа сделать соответствующие выводы.

Ключевые слова: архивные документы; этнос; депортация; чеченцы; немцы; спецпоселение; Восточно-Казахстанская область.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-133-4-42-62>

Введение. Сегодня этнические группы, проживающие в Казахстане, имеют свою историю, в которой тесно переплелись и трансформировались в единую целостность часть истории их исторической родины и

истории Казахстана, который для них стал не просто местом временного проживания, здесь они обрели родину для себя и своих потомков, заняли достойное место среди народов, проживающих в нем.

Период 1937-1956 гг. в истории этнических диаспор Казахстана составляет особую страницу. В эти годы неуклонно возрастала роль государства во всех сферах жизни общества. Массовые крестьянские переселения, имевшие место в начале XX века, сменяются насильственными перемещениями целых народов из разных концов света. Это повлияло на социальную, демографическую, а также экономическую структуру населения.

Депортация оказала большое влияние на социально-демографическое развитие этнических диаспор Восточного Казахстана. Сотни тысяч людей разных национальностей подверглись насильственному выселению из своих территорий, среди которых преимущественно представители немецкой, чеченской, корейской, польской, украинской и других имели статус «спецпоселенцев» и находились под жестким контролем органов НКВД (Народного Комиссариата Внутренних Дел).

Материалы и методы. На современном этапе изучение истории депортации и положение депортированных народов характеризуются утверждением новых методологических подходов, их наметившейся интеграцией, развитием междисциплинарных исследований. Среди общенаучных методов следует выделить системный подход наряду с общими принципами исторической науки и историко-системного, историко-логического методов, позволяющих последовательно раскрыть сущность изучаемых вопросов.

Ценность исторической работы заключается в источниках. Из опубликованных материалов следует выделить сборники, посвященные отдельным этносам: полякам, немцам, татарам и др. В 2000 г. был опубликован сборник документов «Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.)» [1], в котором представлены, в первую очередь, законодательная база депортаций, а также документальная хроника массового переселения. В том же году был выпущен сборник, посвященный немецкой диаспоре Казахстана – «Из истории немцев Казахстана

(1921-1975 гг.)» [2], где значительное место отводится истории немецких национальных меньшинств, находившихся в Казахстане в 1940-1950-е гг. в условиях спецпоселения. Кроме того, в издании наряду с численным составом немцев в военные и послевоенные годы, приводится количественный анализ и социальное положение спецпоселенцев из числа чеченцев, ингушей, поляков.

Необходимо отметить сборник документов российского исследователя Бугай Н.Ф. «Депортация народов Крыма» [3]. В этой книге впервые публикуются документы и материалы по истории депортации народов Крыма – крымских татар, греков, болгар, армян, немцев и других, выявленные в фондах государственных архивов. Прослеживаются трагические судьбы народов, причины их принудительных переселений, начиная с первой половины 1940-х годов. Приводятся документы, связанные с адаптацией спецпоселенцев к новым местам обитания, участием в трудовой жизни на новых местах и др.

Вышеперечисленные сборники материалов содержат важную информацию об общих чертах процесса депортации народов в Казахстан, размещении по областям, приеме на местах и положению в 1940-1950-е гг.

Основу представленной статьи составляют документы архивов Республики Казахстан: Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Архива Президента Республики Казахстан (АПРК), Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), Аягузского филиала ГАВКО, Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО).

Из ЦГА РК были использованы материалы фонда 1481 – Министерство сельского хозяйства Казахской ССР, фонда 1208 – Переселенческий отдел при Совете Народного Комиссариата Казахской ССР, фонда 1987 – Государственный комитет Совета Министров Казахской ССР по использованию трудовых ресурсов. В этих фондах содержатся данные о численном составе переселенцев, прибывших в Казахстан в годы депортации.

В фонде 1481 содержатся данные о расселении и бытовом устройстве депортированных народов – корейцев, иранцев – в Казахстане.

В фонде 1208 имеются данные о расселении, динамике численности депортированных корейцев в 1938 г.

Сведения об этническом составе переселенцев, их трудовом и бытовом обслуживании приводятся в фонде 1987.

Различные материалы по вопросам исследуемой темы отложились в фонде 708 - АП РК ЦК Компартии Казахстана, где хранятся постановления и резолюции съездов, конференций и пленумов партии, отражающие социально-экономическое, демографическое и культурное развитие республики и отдельных её областей. В этих документах содержатся сведения о географии расселения, контингенте и социально-бытовом устройстве прибывших спецпереселенцев из Северного Кавказа, Грузии, Калмыцкой АССР, Крымской АССР в 1943-1944 гг.

Важные сведения сохранились в ГАВКО. Особый интерес представляют фонды 1П – Восточно-Казахстанский областной комитет Компартии Казахстана, фонд 462 - Восточно-Казахстанское областное управление Министерства внутренних дел. В этих фондах содержатся важные сведения об общих чертах депортации немецкого, чечено-ингушского населения в Казахстан: их размещении по областям, приеме на местах и положении в 1949-1959 гг.

Ценные материалы содержатся в фонде 807 ЦДНИ ВКО г. Семей, где приводятся сведения о спецпереселенцах, прибывших из Северного Кавказа и Грузии в 1945 г., об их социальном и медико-санитарном обслуживании в годы войны.

Сведения о спецпереселенцах, преимущественно чечено-ингушского и немецкого национальностей приводятся в фондах 22 – Исполнительный комитет Аягузского районного Совета Народных депутатов и 2 – Уполномоченный Министерства заготовок СССР по Аягузскому району (Райуполминзаг) Аягузского филиала ГАВКО.

Обсуждение. Историю депортированных народов начали изучать в советское время, но научные труды, основанные на богатом документальном материале, стали публиковаться с конца 1980-х годов, например, работа «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы», изданная в 1998 году [4]. Среди исследований, посвященных истории депортации народов Казахстана, необходимо выделить работы Н.Ф. Бугая «К вопросу о депортации народов СССР в 1930-40-х гг.» [5], «Правда о депортации чеченского и ингушского народов» [6], в которых автор анализирует численный состав и размещение депортированных по Казахстану и Средней Азии.

Казахстанские авторы внесли свою лепту в изучение данной проблемы. Следует отметить работу Н.В. Алексеенко «Усть-Каменогорск и устькаменогорцы» [7], в которой автор уделяет значительное внимание вопросам динамики численности населения города и области, национальному составу, депортации корейцев, поляков, немцев, чеченцев-ингушей, крымских татар и др., а также миграционным процессам 1990-х гг. Книга основана на архивных источниках и материалах современных социологических исследований.

В коллективном труде известных ученых Н.В. Алексеенко, А.Н. Алексеенко, И.В. Ерофеевой, Н.Э. Масанова [8] и др. представлены результаты научных исследований по истории демографии, миграциям, быту, хозяйству и культуре этносов, населяющих Казахстан. Работа отличается широтой привлеченных источников, стремлением авторов исследовать демографические последствия депортации народов (корейцев, поляков, немцев, чеченцев, ингушей, калмыков, турков-месхетинцев, крымских татар и др.).

В 1999 г. издается книга М. Омарова, А. Какен «Познание себя (к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане)» [9], посвященная проблеме немецкой диаспоры. Авторами особо выделяются 1930-1940-е гг. как период «насильственного переселения народов». Исследователи пытаются выяснить

причины всех этих процессов, приводят факты из истории депортации различных этнических групп (корейцев, чеченцев, поляков, немцев), поднимают проблему последствий процессов массовой депортации, в том числе и проблему насильственного переселения немецкого населения.

В этой же связи следует назвать работу В.К. Штрека «Немцы» (Страницы истории и сегодняшний день), опубликованную в 1999 г. [10], где представлены основные нормативные акты, в соответствии с которыми осуществлялось насильственное переселение немецкого населения и дана документальная хроника событий, начиная с Великой Отечественной войны и до наших дней.

Немало интересных сведений о корейской диаспоре содержатся в книге Г.В. Кана «Корейцы Казахстана» [11], где автор подробно исследует вопросы, касающиеся истории корейского народа в условиях спецпоселения.

Результаты. В условиях советского тоталитарного строя составной частью национальной политики являлась депортация народов. Массовое переселение отдельных народов в Казахстан началось в 1937 г. С этого момента Казахстан становится общим домом всех депортированных народов.

Прибытие значительного числа депортированных на территорию Восточно-Казахстанской области вызвало к жизни целый комплекс крупномасштабных проблем, многие из которых требовали безотлагательного решения. Самыми острыми проблемами с первых же дней прибытия спецпоселенцев в Казахстан стали продовольственная и жилищная.

Запас продовольствия у спецпоселенцев был исчерпан еще в пути, со стороны властей же на местах почти ничего не было сделано для обеспечения голодных людей даже минимумом питания. Многие колхозы и совхозы не имели запасов продовольствия, созданные спецфонды из-за спешного осуществления операции еще не дошли до мест назначения, и не обошлось и без откровенного саботажа

и сокрытия продовольствия. Документы свидетельствовали, что «... исключительно плохо обстояло дело со снабжением и организацией питания переселенцев, как в пунктах выгрузки на станциях железных дорог, так и в местах селения» [12, с. 43].

Вот, к примеру, в письме управляющего Сельхозбанком СССР М.В. Выносова от 16 декабря 1937 г. сообщалось: несмотря на то, что переселенцы-корейцы в Казахстан уже прибыли, там не преступили к серьезной работе по жилищному строительству. Это подтверждается данными об использовании средств: «из ассигнованных 87,3 млн. руб. на корейское переселение, фактически банком было выдано на 1 декабря 1937 г. всего лишь 6 млн. руб., в т.ч. на заготовку и оплату стройматериалов, автомашин и тракторов около 4,5 млн. руб., на операционные расходы 160 тыс. руб., остальная сумма ассигнований, как видно, будет использована в будущем году» [13, с. 153].

К тому же, из докладной записки «о жилищно-бытовых условиях корейцев» от 23.11.1937 г. было известно, что: «жилищные условия большинства расселенных в квартирах очень тяжелые, на каждого приходится только от 0,5 до 2 м², полы частично кирпичные и земляные».

Тяжелы были условия размещенных в бывшей тюрьме и складских помещениях. «Полы всюду каменные или земляные, постоянных печей, а в некоторых помещениях даже временных, нет, окна выбиты...». Температура жилых помещений, даже расположенных в квартирах и зданиях нормального типа, нигде не превышала 6-8 градусов.

С теплой одеждой у переселенцев дело так же обстояло плохо, белье в подавляющем большинстве только то, что на себе. Постельных принадлежностей, кроме тоненьких циновок, тоже никаких.

Санитарное состояние жилищ и территорий было крайне неудовлетворительным. Нет уборных, нет помойных ям, в связи с чем территории жилищ крайне загрязнены испражнениями и отходами жилья.

Питание стояло на невысоком уровне. Привезенные с собой продукты подходили к концу, а у некоторых уже вышли. Положение усугублялось еще тем, что сданные на месте прежнего жительства продукты ни деньгами, ни натурой пока не возвращались, а только производился учет, что у кого сдано.

В торговых точках ничего, кроме хлеба, сушек и сахара, нельзя было приобрести, выпекаемого хлеба не хватало, и у хлебных магазинов большие очереди. Проживающие в колхозах принуждены были ходить за хлебом в город за 5-6 километров. Ни овощей, ни рыбы в магазинах не продавалось, не было этих продуктов и на базаре [11, с. 194-195].

Таким образом, Казахстан совершенно не был готов к приему переселенцев. Прибывших в 1938 г. иранцев поселили в холодные дома без печей, плит, котлов. «Топливо не изготовлено, благодаря чему среди переселенцев возникали большие недовольства» [14, л. 1]. Многие из них проживали во временных помещениях, которые в большинстве случаев не соответствовали требованиям количества душ в семье [15, л. 23]. Согласно телеграмме НКВД СССР, за № 106936 на 8.10.1938 г. иранцы прибыли в количестве 2000 хозяйств. Переселенцев-иранцев в основном расселили в Южно-Казахстанской (1700 хозяйств) и Алма-Атинской (300 хозяйств) областях [14, л. 20-21].

Одновременно Совнарком отмечает, что УМЗ НКВД, на котором лежала обязанность устройства переселенцев курдов и армян, совершенно не занимался этим вопросом, вследствие чего большинство переселенцев курдов и армян оставались на зиму совершенно не устроенными [16, л. 213]. Кроме того, в докладной записке за № 64262 от 09.11.1938 г. сообщалось: «что принадлежащие деньги переселенческим хозяйствам курдов и армян за сданный им скот государству, во время переселения по месту их прежнего жительства в сумме 1042,0 тыс. рублей и ассигнованные 40000 руб. «Гулагом Москве», а всего 1082000 руб. находятся с июня месяца 1938 г. на текущем счету Казахского ОМЗ при НКВД, без всякого движения, якобы за отсутствием

списков владельцев сданного скота, который им должен был выслать Гулаг» [16, л. 220].

Медобслуживание переселенцев-иранцев, проживающих в колхозах района, находилось в недопустимом состоянии. Медперсонала мало, почти во всех колхозах много случаев заболеваний. Имелись больные, лежащие в домах без всякого внимания [15, л.23].

Из приказа Наркома здравоохранения КАССР о медицинском обслуживании переселенцев известно, что: «санитарно-бытовые условия переселенцев в настоящий момент создают предпосылки для развития эпидемических заболеваний, в первую очередь сыпного тифа и кишечных инфекций. Население частично завшивлено, плановой санобработки не проводится, размещение людей осуществлено скученно, территория загрязнена».

Медикаментов в некоторых поселках не было даже самых ходовых. Инструментария также недостаточно. Дезсредства отсутствовали почти во всех поселках, ввиду чего многие медпункты не имели возможности проводить текущую дезинфекцию в этих больницах.

Питание больных, за исключением отдельных поселков, также было поставлено неудовлетворительно. Большинство медпунктов не имели нормы больничного питания, а также пищевых раскладок. Молочные кухни, а также диетическое питание для ослабленных детей не организованы [1, с. 30]. Итак, социальное положение депортированных народов в 1937-38 гг. можно было квалифицировать как крайне тяжелое.

Начавшаяся война (1941-1945 гг.) еще больше обострила положение «спецпоселенцев». К началу войны в Казахстане насчитывалось 80 тыс. немцев, более 130 тыс. поляков, 60 тыс. корейцев, более 180 тыс. кулаков-трудпоселенцев, 15 тыс. ссыльнопоселенцев, 33 тыс. ссыльных и высланных. В первые месяцы войны в Казахстан прибыло еще около 400 тыс. немцев, 50 тыс. поляков и 15 тыс. ссыльных и высланных.

За время войны в Казахстан из западных республик и областей СССР, а также из прифронтовой полосы в числе

эвакуированного гражданского населения прибыло до 300 тыс. человек евреев [1, с. 185-186]. Катастрофическое положение сложилось с обеспечением спецпоселенцев жильем, работой, питанием и др.

Из постановления ЦК КП (б) Казахстана от 23 ноября 1940 г. о трудоустройстве спецпереселенцев, высланных из западных областей Украинской и Белорусской ССР, размещенных в Актюбинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Семипалатинской и Акмолинской областях Казахстана, известно, «что часть спецпереселенцев, размещенных в колхозах и совхозах, до настоящего времени не трудоустроена, не имеет не только постоянной, но даже временной работы».

Спецпоселенцы, размещенные для работы на промышленных предприятиях, стройках и рудниках поставлены в неравное положение с остальными рабочими, не обеспечиваются необходимыми промтоварами, а иногда даже и продуктами первой необходимости.

Районные и областные партийные и советские организации, считая спецпоселенцев контингентом НКВД, не занимались вопросами трудоустройства и по всем вопросам отсылали их в районные отделения НКВД.

В Жана-Семейском районе Семипалатинской области 14 колхозов из 26-ти прислали в райотделение НКВД официальные письма с просьбой забрать от них спецпоселенцев [1, с.111-112]. Это было обусловлено крайне тяжелым положением самих жителей данного региона.

С началом войны несколько изменилось положение спецпоселенцев-поляков. Дело в том, что нападение Германии на СССР, неудачи первых дней войны заставили советское руководство (не без нажима западных союзников) пересмотреть отношения с Польшей. 30 июля 1941 г. было подписано соглашение о восстановлении дипломатических связей между двумя государствами, предусматривавшем меры по созданию польской армии на территории СССР. СССР и Польша обязались оказывать

друг другу помощь в борьбе против фашистской Германии. Соглашение сопровождалось протоколом о положении польских граждан в СССР, в соответствии с которым был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии польских граждан. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от этой же даты содержало регламент проживания польских граждан в СССР. После освобождения (из тюрем, лагерей, спецпоселков, мест ссылки) и получения временных удостоверений они должны были зарегистрироваться в Польском посольстве и получить паспорта, а затем – виды на жительство для иностранцев. Всего в Казахстане (по неполным данным) из 61092 человек амнистировали 51164 поляков [1, с.7]. В том числе по Восточно-Казахстанской области 410 поляков, из них женщин – 123, мужчин – 176, детей – 111; по Семипалатинской области – 7467 поляков, из них мужчин – 1638 человек, женщин – 3189, детей – 2640 [1, с.129]. Поскольку этнический состав выселенных польских граждан по ВКО был неоднородным, среди них были: евреи, украинцы, литовцы, белорусы и прочие [1, с.7], соответственно, категория этих лиц также получила амнистию: евреев – 8, украинцев – 18, белорусов – 90, русских – 10 и 39 других национальностей [17, л.44].

Тем временем война продолжалась. В годы войны численность спецпоселенцев, их национальный состав изменялись. Особенно в области увеличивалось количество представителей немецкой и чеченской национальностей. Только в один Бухтарминский район Восточно-Казахстанской области в 1941 г. прибыло 376 семей (976 человек) немцев. Из них мужчин – 186, женщин – 471, детей до 16 лет – 319. Из 538 трудоспособных лиц трудовой деятельностью были заняты – 531 человек, семеро из них являлись домохозяйками. В 1944 г. из Северного Кавказа прибыли еще 36 семей чеченцев (из них мужчин – 30, женщин – 40, детей до 16 лет – 61 человек). Из докладной записки было видно, что этот контингент людей был более или менее

трудоустроен. Из 57 трудоспособных чеченцев все были обустроены: «все переселенцы-чеченцы устроены в системе Зырянского рудоуправления. Живут на пристани Алтай в ведомственных домах; 17 семей, состоящих из 81 чел., имеют крупный рогатый скот; 2 семьи, состоящие из 11 человек, владеют мелким рогатым скотом» [18, л.33].

В 1943-1944 г. в соответствии с решениями Союзного Правительства в Казахскую Республику были переселены на постоянное местожительство - 507480 семей спецпереселенцев в количестве 114484 человек. Из них: карачаевцев – 11711 семей (45529 чел.), чечено-ингушей – 89901 семей (406376 чел.), балкарцев – 4660 семей (21150 чел.), калмыков – 648 (2268 чел.); из Крыма - 1268 семей (4501 чел.), из Грузии – 6296 семей (27657 чел.) [19, л.1].

Прибывший спецконтингент был расселен в 151 районах и 16 городах Республики. С момента прибытия в составе спецпереселенцев произошли следующие изменения: «в течение 1944 г. на соединение с семьями и родственниками прибыли из других республик и областей Союза ССР, а также демобилизованных из Красной Армии - 16079 семей, в которых насчитывалось 57774 человек [19, л. 2].

На 1 января 1945 г. в республике числилось 462120 (112311 семей) спецпоселенцев разных национальностей. В том числе в ВКО – 6303 семей – 24817 человек, из них 1351 семей были размещены в колхозах, 233 семей в совхозах, и в предприятиях народного хозяйства – 4718 семей; в Семипалатинской области всего 6772 семей (26609 человек), из них в колхозах – 4230, в совхозах – 762, в предприятиях – 1780 семей [19, л. 2-3].

Материальное положение спецпоселенцев - немцев, чеченцев, ингушей - было крайне тяжелым. Это было обусловлено тем, что численность прибывающих росла, а также из Казахстана на фронт мобилизовывались значительные людские и материальные ресурсы - все это ограничивало возможности республики в создании нормальных бытовых условий для вновь прибывших [1, с. 8].

Для оказания продовольственной помощи спецпоселенцам (прибывшим из Северного Кавказа) Правительство Казахстана выделило 20101,0 тонн скота из расчета по 200 кг на каждую семью.

В течение 1944 г. из указанного количества было роздано 17267,8 тонн, т.е. 86339 семей были обеспечены скотом. На 1 января 1945 г. оставалось 2833,2 тонны нерозданного скота.

В связи с выселением в конце 1944 г. спецпоселенцев из Грузинской ССР Правительство в 1-ом квартале выделило еще 1332,3 тонны скота из расчета по 180 кг крупного рогатого скота и по 35 кг овец или коз. В силу того, что данного скота было недостаточно, во 2-ом квартале 1944 г. союзным Правительством дополнительно было выдано еще 1525,2 тонны скота [19, л. 48]. Но и этого было недостаточно. И это вполне объяснимо: во-первых, продовольственная помощь для спецпоселенцев поступала в минимальных количествах, во-вторых, их численность увеличивалась за счет вновь прибывших. На 1945 г. в области было учтено свыше пятидесяти тысяч спецпоселенцев.

Из архивных данных известно, что в процессе расселения и хозяйственного устройства спецпоселенцев имел место ряд серьезных трудностей: отсутствие свободной жилой площади, ограниченные продовольственные ресурсы, неправильное отношение к спецпереселенцам со стороны ряда руководителей советских и партийных органов, местного населения, а также распространение среди них различных эпидемических заболеваний, в особенности сыпного тифа и др. [19, л. 1]. Так, в 1941 г. в Бухтарминском районе Восточно-Казахстанской области умер 191 немец, в том числе от инфекционных заболеваний – 116 человек, из них 45 взрослых и 71 ребенок. В этом же районе в 1944 г. умерло 25 человек чеченской национальности, 16 из которых - от инфекционных болезней, в том числе взрослых - 12, детей – 4 [18, л.37].

Медико-санитарная сеть не обеспечивала медицинского обслуживания населения, а также проведения противоэпидемических

Таблица 1

**Уровень рождаемости и смертности спецпоселенцев
Бухтарминского района ВКО в 1946-49 гг. [18, л. 36]**

	1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	Немцы	Чеченцы	Немцы	Чеченцы	Немцы	Чеченцы	Немцы	Чеченцы
Родилось	2	-	-	-	9	11	7	6
Умерло	8	-	3	-	8	2	7	-

мероприятий. Существующие временные эпидемические стационары размещались в непригодных помещениях, местами без обогревательных печей, жесткого и мягкого инвентаря не хватало [1, с. 30].

Ничем не отличалось медико-санитарное обслуживание спецпоселенцев Северного Кавказа по Жана-Семейскому району, где жилые помещения, в которых проживали спецпоселенцы, находились в запущенном состоянии. Медицинские работники медпунктов не проводили в колхозах профилактическую работу по борьбе с антисанитарией. Имелись случаи, когда мед. работники по нескольку дней не посещали больных спецпереселенцев [20, л. 63-64].

Медико-санитарное обслуживание изменилось после войны. В ряде районов Восточно-Казахстанской области в лучшую, где-то оставалось без изменения. Как свидетельствуют данные архива Восточно-Казахстанской области по г. Усть-Каменогорску: «санитарное обслуживание на 1946 г. было удовлетворительным. Спецпоселенцы получали медицинскую помощь через мед. сестер, которые производили обход по квартирам». Инфекционных заболеваний среди них не было [21, л. 1-2]. Аналогичное положение складывалось в отношении спецпереселенцев по Бухтарминскому и Вверх-Убинскому районам: «Медобслуживание производится на общих основаниях без каких-либо ограничений. Амбулаторное и стационарное лечение получали на равных условиях со всеми гражданами района. Также на равных основаниях со всеми гражданами района проводилась санпросветработа и профилактическая забота [18, л. 40].

В Бухтарминском районе даже повысился уровень рождаемости, преимущественно у представителей чеченской национальности.

По данным таблицы 1, с 1946 г. по 1949 г. в среднем рождаемость у чеченцев была выше смертности, особенно в 1948-49 гг.; у представителей немецкой национальности складывалось по-разному, если в 1946-47 гг. уровень смертности превышал уровень рождаемости на 9 человек, то в 1948 г., наоборот, а в 1949 г. на 7 родившихся приходилось 7 умерших.

Иначе обстояло дело в Уланском районе. Там на 1949 г. не было специальных медпунктов для спецпереселенцев. По вопросу медобслуживания следует сказать, что в райздраве отсутствовали данные о степени заболеваемости, так как особого учета на спецпереселенцев не было и не велось. Как объяснила зав. райздравом, в основном среди чеченцев наблюдаются болезни туберкулеза ввиду тяжелого материального положения спецпереселенцев. В июле 1949 г. в колхозе «Кызыл Ту» 8 чеченцев заболели септической ангиной, один из которых умер. Причины заболевания объясняются тем, что чеченцы: «материально жили очень тяжело и были вынуждены собирать перезимовавшие колосья» [18, л.50-51].

В докладной записке под № 3/2910 от 5 августа 1945 г. отмечалось, что в ряде районов области со стороны отдельных руководителей колхозов, совхозов и промпредприятий, а также отдельных районных-советских работников уделялось мало внимания вопросам хозяйственного устройства и жилищного строительства для спецпоселенцев.

При проверке хозяйственно-бытового устройства спецпоселенцев с Северного

Кавказа, расселенных на 4-ой дистанции Аягузского района, было установлено следующее: 18 семей (62 чел.) из 55 семей (251 чел.) были расселены на 32 разъезде 4-ой дистанции пути Аягузского района, из них только 1 семья в количестве 4 человек жила в пригодных квартирах, остальные 17 семей (58 чел.) проживали совершенно в непригодных для жилья бараках, которые не имели ни окон, ни дверей, ни печей.

27 семей (73 чел.), расселенных в 33-м разъезде, проживали в 5-ти маленьких комнатах: «теснота, в конечном счете, привела к антисанитарному состоянию спецпоселенцев и болезням». Медобслуживание этих спецпоселенцев в основном отсутствовало. Даже если и приезжал медработник, то у него не бывало медикаментов. В конечном счете, все спецпереселенцы, расселенные на 4-ой дистанции пути находились в полном антисанитарном состоянии, грязные, зашивленные, тогда как в наличии имелась баня и санпропуск [22, л. 6].

При обследовании со стороны спецпоселенцев в присутствии администрации и санврачей поступали жалобы о том, что их во время работы в баню не пускают, несмотря на антисанитарные условия, в которых они проживали. Так, например, в Шемонаихинском районе в колхозе «Путь Ленина» 20 семей жили в одном доме в невыносимо тяжелых условиях [23, л. 35]. Аналогичное положение наблюдалось и в других колхозах.

В целом на начало 1945 г. в республике 63805 семей находились без постоянного жилья. Их размещали во временно приспособленных зданиях, причем 42% этих семей были устроены в совхозах и промпредприятиях республики.

В связи с этим Совнарком КазССР постановил под № 706 от 12 декабря 1944 г. утвердить следующий план строительства на 1945 г.: построить 20000 домов и достроить незаконченные в 1944 г. 8000 домов. Всего 28000 домов [19, л. 19]. В том числе по Восточно-Казахстанской области построить: 200 новых домов, достроить 300, отремонтировать еще 800 жилых помещений [23, л. 33].

В этих целях ЦК КП (б) и Совнарком КазССР от 16-20 марта 1945 г. провели совещание с начальниками областных отделов с участием представителей Наркомзема, НКВД КазССР, Сельхозбанка, Главупрснаба и Казпотребсоюза.

Совещание признало, что первоочередной задачей областных отделов и института районных инспекторов является безусловное выполнение утвержденного Правительством плана строительства и улучшения жилищных условий спецпоселенцев. При этом было дано обязательство закончить строительство ко Дню празднования 25-ой годовщины КазССР.

Однако выполнение утвержденного плана строительства (как показал опыт 1944 г., когда выделенные Союзным Правительством стройматериалы поступали в крайне ограниченных количествах) шло весьма тяжело. Из выделенных стройматериалов: леса – 160.000 м³, стекла окон – 290.000 м, гвоздей – 98.0 тонны, чугуна для поддела печных приборов – 1.200. Фактически было получено: леса – 1.421 м³, стекла окон – 15.785 м², гвоздей – 16,9 тонны, чугуна всего 100 [19, л.19-23].

В результате вместо плано-типового строительства в районах Восточно-Казахстанской области проходило массовое бесплановое строительство землянок и полуземлянок самими же переселенцами за счет собственных средств. Таких домов было построено 50, причем: «все строительство не подлежало финансированию, а за счет ссуды по линии сельхозбанка» [23, л. 33].

В связи с этим СНК КазССР и ЦК КП (б) К постановили: «работу по хозяйственному и трудовому устройству семей спецпоселенцев возложить непосредственно на председателей райисполкомов и вторых секретарей райкомов КП(б)К». Однако руководство эти мероприятия переложило на второстепенных лиц. Так, председатель Кировского района Дудин в беседе с секретарем райкома партии о строительстве домов заявил; «я этим вопросом не занимался и не занимаюсь» и попросил не задавать таких вопросов, а обращаться по данному вопросу к второстепенным

работникам. Это привело к тому, что в 1945 г. в этом районе не было построено ни одного дома.

Товарищ Пятков, председатель Таврического района, сделал аналогичное заявление: «строить жилдома для спецпоселенцев в 1945 г. он не будет из-за отсутствия стройматериалов, в частности леса» [23, л. 35]. В районе имелось много пустующих домов, которые можно было закупить и передать спецпоселенцам. Однако этим вопросом райисполком также не занимался.

К тому же постоянно действующих строительных бригад в Восточно-Казахстанской области не было. Фактически по области из заготовленных местных стройматериалов было: леса – 0,2%, самана – 0%, камня – 0% и по остальным видам стройматериалов тоже 0% [23, л. 33].

По Семипалатинской области за 1-ое полугодие план строительства новых домов был выполнен на 7,6%; покупки стройматериалов – на 45,4%, ремонта старых домов – на 1,5%. Такие районы, как Жарминский, Кокпектинский, Ново-Шульбинский, Чарский, Урджарский, Ново-Покровский, за 1-ое полугодие не построили почти ни одного дома, не имея на это никаких объективных причин [20, л. 1].

В результате чего: «такое основное мероприятие, как строительство жилдомов в 1945 г., было поставлено под угрозу срыва» [23, л. 33].

Таким образом, следует отметить, что план постройки новых домов по республике был выполнен на 50,96%, покупки готовых домов на 49,65% [19, л. 25].

Как мы видим, руководители районов и областей со строительством жилых помещений для спецпоселенцев во многом не справились. Такое положение объяснялось не только недостаточностью стройматериалов, но и неумением со стороны руководителей использовать все имеющиеся возможности при покупке новых домов.

Как подтверждают документы архива, по линии сельхозбанка из года в год выдавалась

большая сумма кредитов для покупки и строительства жилых домов. Например, в 1945 г. «план кредитования спецпоселенцев на хозустройство» облсоветом был выполнен на 98%, т.е. из 3200,0 тыс. руб. было выдано 3129 тыс. рублей. А утвержденный план на 1-ое полугодие 1946 г. по кредитованию спецпоселенцев Семипалатинской области был выполнен на 1 января 1946 г. только на 54%, т.е. из запланированного кредита в размере 800,0 тыс. руб. было выдано 295 тыс. рублей. Это свидетельствовало о том, что выделенный кредит для спецпоселенцев поступал не в полной мере. В связи с этим в 1946 г. была произведена проверка правильности использования кредитов, в результате которой было установлено, что председатели колхозов и совхозов составляли фиктивные документы под видом покупки жилых домов для спецпоселенцев, а полученный кредит израсходовали на «колхозные нужды» [20, л. 30].

В результате произведенной проверки (1945-1946 гг.) в 118 районах Семипалатинской области было установлено, что 227 рублей были использованы не по назначению. В связи с этим руководителям районов Семипалатинской области было предъявлено требование о восстановлении: [20, л. 31] «всеми мерами и средствами вести борьбу с использованием не по назначению материалов, промтоваров, продовольствия переселенческого фонда, требуя от органов прокуратуры расследования дел и привлечения виновных к ответственности, и добиться, чтобы в области в 1945 г. ни один факт злоупотребления не остался без внимания» [20, л. 22].

В итоге двухлетней работы (1944-45 гг.) по обеспечению населения постоянной жилплощадью было сделано (таблица 2,3):

Обеспечение жилплощадью спецпоселенцев по отраслям народного хозяйства республики было представлено в следующем виде:

Итак, мы видим, что на 1 января 1946 г. по Восточно-Казахстанской области из 6180 семей без жилья остались 439 семьи, по

Таблица 2

Количество спецпоселенцев, обеспеченных постоянной жилплощадью на 1946 г. [19, л. 27]

Область	Кол-во семей в области	Кол-во обесп. жил. пл.	В том числе				Кол-во необеспеченных семей на 01.01.1946 г.
			построенных	купленных	пустующих	в хозорганизациях и предприятиях	
ВКО	6180	5741	1013	451	239	4038	439
Сем-ская обл.	5859	5276	1703	1186	1298	1089	583
Каз. ССР	107272	89093	19715	17215	18100	33063	18179

Семипалатинской области из 5859 семей – 583. В целом по республике 89093 из 107272 семей были обеспечены жилплощадью, а 18179 остались без жилья.

Учитывая тяжелое продовольственное положение большинства спецпоселенцев, не сумевших в 1944 г. «выработать достаточно трудодней для обеспечения себя и своих семей», Союзное правительство по ходатайству Совнаркома КазССР на 1945 г. выделило «для оказания продовольственной помощи» спецпоселенцам из Северного Кавказа: муки – 4625,0 тонны, крупы – 1456,25 кг, продзерна – 1200,0 кг, сахара – 40,0 кг [19, л. 35].

Для немецкого населения Восточно-Казахстанской области продовольственная помощь отпускалась по норме 6 кг в месяц на одного человека [19, л. 36]. Для чеченцев Аягузского района устанавливались нормы посева проса по 13 кг на одну семью [25, л. 252]. Была выделена материальная помощь для спецпереселенцев из Грузинской ССР в марте 1945 г. (таблица 4).

Из таблицы 4 видно, что выделенная материальная помощь в обеспечении спецпоселенцев, прибывших из Грузинской ССР, поступала не в полной мере. То есть, если спецпоселенцы Восточно-Казахстанской области остались без обуви,

Таблица 3

Количество обеспеченных спецпоселенцев жилплощадью по отраслям народного хозяйства на 1946 г. [19, л. 29]

Область	Кол-во семей, обесп-х жилплощадью	В том числе		
		в колхозах	в совхозах	в пром. предпр-ях
ВКО	5741	1050	117	4577
Сем-ская область	5276	2857	658	1761
Каз. ССР	89093	47682	8944	32467

Таблица 4

Размер материальной помощи для спецпоселенцев прибывших из Грузинской ССР [19, л. 38]

Область	Хлопчатка в тыс.руб.		Швейных изд.в тыс. руб.		Обувь в тыс.руб		Мыло в кг.	
	план	выполнено	план	выполнено	план	выполнено	план	выполнено
ВКО	-	-	51,5	26,5	10,3	-	265	265
Сем-ская обл.	-	-	27,5	27,5	5,5	5,5	145	-

то спецпоселенцы Семипалатинской области без мыла. Из этого следует вывод, что отпущенные правительством промышленные и продовольственные товарные фонды для остронождающихся спецпоселенцев, продолжительное время задерживались на базах райпотребсоюзов и до контингента не доводились.

Имелись факты «прямого разбазаривания и растранижения пром. и прод. фондов» [23, л. 35]. Об этом свидетельствовали данные архива, например: «председатель Вверхубинского райпотребсоюза из полученных 300 пар валенок для спецпоселенцев разбазарил 190 пар, из 73 кг сахара, предназначенного для детей спецпоселенцев - 16 кг израсходовал не по назначению. Председатель колхоза «Трактор» так же израсходовал не по назначению 109 кг муки, полученной для остронождающихся спецпоселенцев [23, л. 36].

На складах Лениногорского райпотребсоюза было обнаружено: 17 тонн муки, 2731 кг крупы, 2275 кг зерна, сахара, 1163 кг соли и 930 кг жмыха, предназначенного для остронождающихся спецпоселенцев. Все эти фонды в течение длительного времени хранились на складах, подвергаясь порче. В то время как целый ряд семей остронождающихся (в том числе беспризорные дети, которые с начала расселения в районе никакой помощи не получали) оставались без средств к существованию [23, л. 35]. Имелись такие случаи, когда райпотребсоюзы и председатели колхозов раздавали разным организациям не по назначению различные виды промышленных товаров, вследствие чего многие спецпоселенцы оставались без товаров первой необходимости. Так, например, райпотребсоюз Кировского района раздал разным организациям и лицам не по назначению 110,5 м. мануфактуры, в итоге 40 спецпоселенцев недополучили мануфактуры. Начальник переселенческого отдела облисполкома тов. Королев, пользуясь своим служебным положением, незаконно получил 110 м мануфактуры. Такая же ситуация происходила и в других районах Восточно-Казахстанской области.

В итоге из 77699 метров выделенной спецпоселенцам по Восточно-Казахстанской области мануфактуры 69231,1 метров было роздано, а 4410,5 м было израсходовано не по назначению, в резерве оставалось 4057,4 м [23, л. 46]. В связи с этим облоно составил акт о незаконном использовании мануфактуры и передал в облисполком для принятия соответствующих мер.

Для оказания безвозвратной денежной помощи остронождающимся семьям спецпоселенцев с Северного Кавказа Совнарком Союза СССР (распоряжением под № 12276 – рс) от 17.08.1945 г. выделил 3801900 руб. [19, л. 44]. В порядке возмещения стоимости принятого от них в местах прежнего жительства имущества Совнарком обязал выделить в целом по республике 4859924 руб. [19, л. 46]. Из них для Восточно-Казахстанской области было выделено 528247 руб., в том числе использовано 329119 руб., в резерве на 1946 г. оставалось 199128 руб. В Семипалатинскую область - 475800 руб., из которых 2623891 руб. было использовано на потребности спецпоселенцев, а оставшиеся 163950 руб. - в резерве [19, л. 47].

Итак, на 1 января 1946 г. в республике закрепилось и числилось 107272 семьи в количестве 412191 человек, в том числе прибывших из Северного Кавказа - 100850 семей (384289 чел.), Грузинской ССР - 6422 семьи (27902 чел.). Из них: в ВКО - 6180 семьи (24026 чел.), в том числе в колхозах - 4372 семьи, в совхозах - 233, в промышленных предприятиях - 4571; по Семипалатинской области - 5859 семьи (22371 чел.), в том числе в колхозах - 3330 семьи, в совхозах - 658, в промышленных предприятиях - 1761 [19, л. 3-4].

По состоянию на 01.01.1946 г. в республике из общего числа устроенных в колхозах насчитывалось 60679 хозяйств, принятых в члены сельскохозяйственных артелей - 59993 хозяйства [19, л. 6].

По данным учета областных отделов хозяйства на 1 января 1946 г. числилось: трудоспособных - 219665 человек, из них детей школьного возраста - 83020, дошкольного - 97129, беспризорных - 7575, престарелых,

инвалидов и прочих нетрудоспособных – 4802. Итого по республике насчитывалось 412191 спецпоселенцев [19, л. 7]. Как и в 1944 г. так и в послевоенное время был низкий охват детей школьного возраста обучением [19, л. 17].

При проверке подготовки органов народного образования к охвату обучением детей школьного возраста было установлено, что на 1945-46 гг. в ВКО 5850 детей могли остаться без образования [23, л. 47]. Хотя по городу насчитывалось: 12 начальных школ, в том числе 1 польская, 8 семилетних и 5 средних школ, в том числе одна казахская [26, л. 7].

В районах области также функционировали, хотя и в небольших количествах, образовательные учреждения. Например, в 1949 г. при Верх-Убинской средней школе были созданы специальные начальные классы (1-3) для детей спецпоселенцев-чеченцев. В остальных школах дети спецпоселенцев из числа чеченской и немецкой национальностей обучались совместно с детьми коренного населения, причем обучение производилось на русском языке [18, л. 3]. Этим и объясняется одна из причин непосещения спецпоселенцами школы: незнание русского и казахского языков, на которых ведется обучение в школах республики, а также отсутствием одежды, обуви [19, л. 17], отдаленностью учебных заведений, отсутствием достаточного количества помещений для учащихся и др. [21, л. 4].

Для спецпоселенцев-чеченцев трудоспособного возраста в течение 1944-1945 гг. было организовано обучение по разным квалификациям. В результате производство получило хоть и небольшой процент, но ценного пополнения специалистами в области сельского хозяйства и промышленности [19, л. 8]. Например, в Октябрьском районе Семипалатинской области из 135 трудоспособных чеченцев по специальностям кожевенного производства работали 69 чел., в административно-хозяйственном аппарате – 2 чел., остальные 64 чел. выполняли подсобную работу [20, л. 96].

В Верх-Убинском районе Восточно-Казахстанской области из 1254 трудоспособных

чеченцев 1008 были трудоустроены, из них 41 чеченец имели специализации: тракториста – 15, комбайнера – 2, учителя – 6, счетовода – 3, зоотехника – 1, кузнеца – 1, плотника – 6, сапожника – 7 [21, л. 4].

В г. Усть-Каменогорске: из 1220 трудоспособных переселенцев из Северного Кавказа 1112 человек трудоустроены. Они были заняты в основном на следующих предприятиях: стройплощадка Иртышгэс – 228 чел., Укастрой – 156, ОРСтреста Алтайстрой – 73, завод № 10 – 123, Сибспецстрой – 50, Усть-Каменогорский кирпичный завод – 14. Из общего числа спецпоселенцев, имеющих квалификацию специалиста, насчитывалось 37 человек. Все они работали по разным специальностям: тракториста, бухгалтера, плотника и сапожника [21, л. 1].

В целом по городу Усть-Каменогорску из всего трудоспособного населения не работало 108 человек. Причины нетрудоустроенности населения заключались в том, что основная масса спецпоселенцев из-за отсутствия одежды и обуви в холодное время года не могла работать в поле. Кроме того, в ряде колхозов области имелись такие случаи, когда спецпоселенцев часто перебрасывали с одной отрасли народного хозяйства в другую, используя их на низкооплачиваемых работах [19, л. 11]. Также имелись случаи, когда работники спецкомендатур незаконно использовали спецпоселенцев в своем личном хозяйстве. Заставляли их бесплатно строить жилые дома, ухаживать за огородами, заготавливать топливо и др. Встречались многочисленные факты избиения спецпоселенцев и других издевательских отношений к ним со стороны работников спецкомендатур [20, л. 9].

К примеру, комендант Куйбышевского района товарищ Гвоздков незаконно отказал группе спецпоселенцев в выдаче отпущенных им государством продсуды, тогда они обратились к зам. РО НКВД «по делам спецпереселенцев», за что товарищ Гвоздиков избил одного из них. Кроме того, т. Гвоздиков пользуясь своим служебным положением, использовал их в качестве наемных рабочих для ухода за его личным хозяйством (огород,

заготовка кормов и топлива), отбирал у них ценные вещи: часы, золотые кольца, ковры и т.д. [20, л. 10]. Таких случаев было очень много.

Как свидетельствуют архивные документы: социальное положение спецпоселенцев, занятых на предприятиях, было намного лучше в отличие от спецпоселенцев, находящихся в колхозах. Это и понятно, ведь такие предприятия, как Кожкомбинат, Артель, Красный Кожевник, Комбикормовый завод и др. обеспечивали их одеждой, обувью.

Однако и у спецпоселенцев, проживающих в колхозах, имелись свои преимущества. Им выделялись приусадебные и огородные участки [20, л. 65]. Естественно, участки получали те, которые проживали в квартирных домах [19, л. 12].

Всего в 1946 г. по Семипалатинской области огородные участки получили - 495 семей с общей площадью 109,2 га земли. Из них на обсеменение проса выделялось - 65,35 га, картофеля - 33,85 га, на овощную и бахчевую культуру - 10 га земли [20, л. 65].

В городе Усть-Каменогорске на 1 января 1947 г. все 814 семей спецпоселенцев-чеченцев были обеспечены участками земли. Приусадебные участки получили 352 семьи, огородные - 462 семьи [21, л. 1]. Тогда как в Верх-Убинском районе из наличия 396 семей остались не обеспеченными жилплощадью - 10 семей [21, л. 4], в Аягузском районе - 14 семей [27, л. 80].

Нехватка жилья для спецпоселенцев объяснялась тем, что их численность из года в год увеличивалась, особенно лиц немецкой и чеченской национальностей, и устроить их за короткий срок было нелегко, к тому же халатное отношение к ним со стороны спецкомендатур, - все это затрудняло быстрое и полное приобщение спецпоселенцев к производству в колхозах, совхозах и промпредприятиях, породило настроение о возвращении на прежнее местожительство и вызвало большое количество самовольных переходов из одной отрасли народного хозяйства в другую [19, л. 1-2].

В целях улучшения хозяйственного устройства спецпоселенцев были приняты меры: «вовлечь все трудоспособное население

в сельское хозяйство и в промышленность» [19, л. 2]. Так, на сентябрь 1949 г. в Уланском районе из наличия 669 немцев и 631 чеченцев все были трудоустроены, в основном они заняты в сельском хозяйстве [18, л. 49]. В Шемонаихинском районе проживали 3335 немцев и 1730 чеченцев. Материальное положение этих спецпоселенцев, как отмечают архивные данные, в сравнении с 1947 г., оставалось стабильным. Из 919 семей немцев (3335 чел.) имели свои собственные дома 667 семей, крупный рогатый скот - 745 семей. Из 469 семей чеченцев (1730 чел.) 200 семей имели свой личный скот, 339 семей - собственные дома, остальные семьи были обеспечены государственными квартирами в колхозах, совхозах и промышленных предприятиях» [18, л. 53].

В основе принципа расселения спецпереселенцев по отраслям народного хозяйства республики лежало их трудовое устройство. Каждая организация, будь то колхоз, совхоз или промпредприятие, с момента вселения к ним спецпоселенцев, обязана была повседневно заниматься вопросами вовлечения всего трудоспособного населения в производственные процессы и создавать условия для их закрепления и участия в производственной и общественной жизни колхозов [19, л. 6].

На 1 декабря 1950 г. на тресте «Лениногорсксвинострой» было занято 140 немцев и 328 чеченцев. Из них учебные курсы по повышению квалификации прошли 36 немцев и 46 чеченцев [28, л. 62]. Многие спецпоселенцы в ходе практической деятельности получили строительные специальности, отраженные в таблице 5:

В бытовом комбинате Лениногорского района были заняты 1467 чеченцев и 508 немцев [28, л. 68]. Спецпоселенцы Кировского района, которых по данным РО МГБ насчитывалось: 1629 семей чеченцев (6464 чел.), прибывших из Северного Кавказа и 1244 семей немцев (3024 чел.). Из них трудоспособных: чеченцев - 2580 и немцев - 1519. Все они были заняты в министерствах: тяжелой индустрии, цветной металлургии и сельского хозяйства [28, л. 76].

**Количество спецпоселенцев получивших «специальность» по тресту
«Лениногорсксвинецстрой» на 1950 г. [28, л. 62]**

	Плотник	Штукатур	Каменщик	Бетонщик	Шофер
Чеченцы	204	25	42	3	4
Немцы	36	38	327	15	12

В архивных документах отмечается: «отношение к труду спецпоселенцев улучшилось. Средний процент выполнения норм составлял 123%. Среди них имелись рабочие, которые перевыполняли нормы до 200% [28, л. 68] и выше. Например: бригада спецпоселенца с Северного Кавказа Хаидова Мухмади, работающая на Сибспецстрое выполняла план на 280-300%» [28, л. 76].

Улучшение трудовой деятельности со стороны спецпоселенцев было обусловлено тем, что многие из них, получив квалификацию специалиста, могли применять эти знания в разных отраслях народного хозяйства и поправить свое материальное положение.

Например, в Зырянском районе из общего числа спецпоселенцев-немцев насчитывалось 206 человек, имеющих следующую специализацию: учителей - 28; врачей - 12; счет – работников - 37; экономистов - 6; агрономов - 2 и прочих - 100; чернорабочих - 142; слесарей - 61; машинистов - 15; токарей - 23; кузнецов - 11 и др. [12, с. 48]. В Уланском районе из числа 375 немцев и 270 чеченцев насчитывалось 10 бухгалтеров-счетоводов, 6 учителей и 7 бригадиров. Следует отметить, что на 1951 г. все они были трудоустроены. Как отмечают архивные данные: «бытовые условия в последнее время несколько улучшились» [29, л. 45-46].

Неплохо обстояло дело со спецпоселенцами Предгорненского района. На 21 марта 1951 г. все 1261 семей спецпоселенцев (в котором насчитывалось 687 семей немцев (2301 чел.), 571 семей (2442 чел.), прибывших из Северного Кавказа и 3 семей в количестве 6 человек, прибывших из Крыма) были обустроены. Из них 1211 семей имели свои собственные дома, а оставшиеся 50 семей проживали в домах предприятий и хозяйственных организациях. К тому же спецпоселенцы из Северного

Кавказа имели в наличии скот. Из 1870 трудоспособных спецпоселенцев 1845 человек были заняты в промышленных предприятиях района [29, л. 38].

В письме под № 787 секретарю ВК Обкома КП Казахстана от 15.12.1952 года приводились данные о количестве трудоустроенных спецпоселенцев в Курчумском районе. Из 1440 спецпоселенцев (среди которых насчитывалось 1333 немцев, русских - 84, чехов – 1, поляков – 3, и 8 украинцев) трудоспособными являлись - 807 человек, из них 795 человек были заняты в сельскохозяйственной сфере деятельности [29, л. 42].

На предприятиях свинцово-цинкового комбината г. Усть-Каменогорска по состоянию на 14.12.1952 г. работало 127 человек, преимущественно чеченской и немецкой национальностей. Из них членами и кандидатами партии являлись – 3, членами профсоюза – 119, и 11 человек занимали руководящие должности (мастера, начальника смен и бригадир), из них в 1952 г. 47 человек окончили курсы по повышению квалификации [29, л. 11].

В Шемонаихинском районе, как свидетельствовали данные архива: «за исключением престарелых, домохозяек, больных и нетрудоспособных, все взрослое население спецпоселенцев было занято общепольным трудом на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах и МТС района». К сожалению, учет о трудоустройстве спецпоселенцев никакими органами на местах не велся, поэтому указать цифровые данные о количестве трудоустроенных переселенцев не представляется возможным. Известно, что на 20.12.1952 г. в районе проживало 5291 спецпоселенцев, из них 3387 немцев и 1804 чеченцев [29, л. 50].

Документы также свидетельствовали о том, что «отношение к труду спецпоселенцев – добросовестное». Среди них много «передовиков-стахановцев». Так, например, Фондефер Виктор Михайлович – работая забойщиком на руднике «Чердожк», систематически перевыполнял производственные задания от 105 до 115% ежемесячно. Член колхоза им. Кирова – немка Вульфферт, в 1952 г., работая дояркой, увеличила надои молока от закрепленных за нею коров [29, л. 44-45]. Тракторист совхоза «Племенной» Шваб в течение всего весенне-летнего периода выполнял выработки не менее чем на 125%. Швея промартели имени Ворошилова Губаева выполняла норму выработки на 120% [29, л. 50] и др. За хорошие показатели работы имена спецпоселенцев заносились на Доску почета, они награждались «Почетной грамотой», «Похвальными листами», денежной премией и др. Медали «За трудовую доблесть» в 1952 г. получили 8 спецпоселенцев из Курчумского района [29, л. 43]. Почетной грамотой в 1954 г. был награжден Бенгард А.Ф. – работник МТС Кировского района [30, л. 20]. В Верх-Убинской районной газете в 1955 г. была помещена статья о хорошей работе трактористов: Изобаева, Темирбулатова, Тазыбаева и др. [31, л. 22]. В 1955 г. трое чеченцев Кировского района: Хакимов Ахъяд – подземный слесарь, Читаев Абдул – крепильщик и перекидчица Тамара Исмаилова получили Медали «За трудовое отличие» [20, л. 20].

Таким образом, по данным ГАВКО на июль 1955 г. в области числилось 25996 спецпоселенцев, из них чеченцев составляло 12874, ингушей – 2, немцев – 13088, поляков – 2, крымских татар – 10, прочих национальностей – 20 [32, л. 1]. В городе Усть-Каменогорске проживало 2039 чеченцев, 1686 немцев и 18 прочих национальностей, из них 1753 человек были заняты в различных сферах деятельности, в том числе 106 человек являлись членами КПСС и ВЛКСМ [30, л. 37]. По Кировскому району было учтено 901 немцев и 2239 чеченцев. Из них трудоспособных в количестве 1857 человек (немцев 544, чеченцев 1313) были заняты в колхозах, организациях и учреждениях района [30, л. 16]. Большинство

из них (576 чел.) работало в Белоусовском рудоуправлении [30, л. 19]. Однако из числа трудоспособного населения в количестве 74 человек (62 чеченцев и 11 немцев) не работали и 1210 человек являлись недееспособными [30, л. 16-17]. В Шемонаихинском районе проживало 1446 немцев и 773 чеченцев. За исключением 14 человек, все были вовлечены в трудовую деятельность колхозов и совхозов. Среди них также были: учителя, агрономы, врачи, зоотехники, членами КПСС являлись 7 человек (чеченцев – 2, немцев – 5), членами ВЛКСМ – 54 человек (14 чеченцев и 40 немцев) [31, л. 38]. В Предгорненском районе проживало 1508 чеченцев, 1100 немцев, 4 крымских татар и 2 поляков. В основном они были заняты в промышленных предприятиях и учреждениях района [31, л. 33-35]. В Верх-Убинском районе насчитывалось немцев – 490, чеченцев – 763, крымских татар – 1. Наибольшее их количество (1254 человек) работали в колхозах и на предприятиях [31, л. 33].

Как мы видим, большая часть населения была трудоустроена. Однако многие еще оставались без работы. Причины тому были разные. Во-первых, невозможно было за короткие сроки сразу всех охватить трудоустройством. Во-вторых, среди прибывших были и престарелые люди, которые являлись не трудоспособными, не имели своего имущества и жили за счет общей помощи всего населения. На предложение со стороны правительства пойти в дом престарелых, они категорически отказывались, желая жить вместе со своими родными. К тому же в беседе с неработающей частью трудоспособных мужчин по Кировскому району выяснилось, что «... ввиду постройки своих собственных изб, домов пока они не работают» [33, л. 18-19]. Соответственно, не имеют средств к существованию. Это и явилось одной из причин впоследствии выбытия спецпоселенцев, преимущественно чеченской национальности.

Особенно это стало возможным с выходом постановления ЦК КПСС «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» от 5 июля 1954 года. Тогда чеченцы ставили вопрос об освобождении их

со спецпоселения и возвращения на родину (Кавказ) [31, л. 7].

За первое полугодие 1955 г. из области выбыло 686 человек [33, л. 11]. В том числе из Верх-Убинского района - 240 человек [31, л. 33], из них за пределы Казахской ССР - 76 человек (18 немцев и 58 чеченцев), в межобластной миграции участвовало 164 человека (49 немцев и 115 чеченцев) [30, л. 30]; из Предгорненского района - 176 человек, из них 66 чеченцев и 110 немцев [31, л. 35]; из Шемонаихинского района - 333 человек [31, л. 39]; из Кировского района - 280 (с момента объявления нового правового положения в 1954 г.) и 93 спецпоселенцев в 1955 г. [30, лл. 16-17]. В целях устранения их выезда и закрепления по месту жительства исполком городского совета депутатов трудящихся принимает решение об оказании помощи в обеспечении жилья, «в наделении приусадебными участками, огородами и сенокосными угодьями». В результате принятых мер за 1955-1956 гг. большинство спецпоселенцев (20 семей) получили приусадебные участки «и все рабочие весной были обеспечены огородами» [33, л. 9]. Это в свою очередь стимулировало их трудовую деятельность. Многие из них стали активно участвовать в производственной жизни предприятий, колхозов, МТС и совхозов. Например, передовиков и новаторов производства на предприятиях города Лениногорска числилось 382 человека. По результатам соревнования в 1955 году на «Доску почета» было занесен 61 человек. Звание «Лучший по профессии» было присвоено 65 чеченцам [35, л. 31]. Многие чеченцы, работающие на производстве, не только достигали высоких показателей, но и вносили новое в технологию и организацию труда. Такими новаторами производства являлись: Челохсаев Л., Сулийманов Х., Далаев З., Рамазанов Н., Успахаджиев Б., Махмадов и др. [35, л. 32].

Заключение. Таким образом, проблема депортации народов является сложной и многовекторной. Архивы Республики Казахстан содержат большую базу документальных материалов, в значительной степени раскрывающих историю депортации

различных этносов на территорию Казахстана, повседневную жизнь спецпереселенцев, их проблемы и тяготы быта, расселения, трудоустройства и др. Депортированное население принимало активное участие в трудовом процессе в колхозах и совхозах, на транспорте и промышленных предприятиях. Так же, как и все население республики, спецпереселенцы, испытывали тогда острую нужду в продовольствии и товарах. Спецпереселенцы, находясь в тяжелых условиях, умирали от болезней и голода. Переселение людей и все принудительные акции в целом потребовали огромных расходов со стороны государства, изнуренного тяжелой войной. Поэтому одновременное размещение такого большого количества людей затруднило снабжение республики, и без этого испытывавшей кризис промышленных и продовольственных ресурсов.

Как показывают архивные документы, жизнь депортированных народов подвергалась усиленной регламентации: их права и свободы были значительно урезаны. Депортация народов на территорию Казахстана стала переломным моментом в этническом, политическом, экономическом и культурном развитии этих этносов.

Анализ источников позволил изучить весь спектр вопросов, связанных с жизнью депортированных народов на территории Восточно-Казахстанской области в условиях спецпоселения. Архивные материалы представляют собой основу для восстановления объективной картины прошлого. Выявленные источники позволяют определить количество переселенных людей и процесс хозяйственного и бытового устройства их в области, проанализировать документы, посвященные вопросам социального обеспечения и др.

Особо следует отметить население области, которое, несмотря на тяжелейшие условия того времени, оказывало всевозможную помощь и поддержку переселенцам. Благодаря поддержке местного населения спецпереселенцы после пережитых лишений втягивались в трудовую деятельность и адаптировались к условиям Казахстана.

Список литературы

- 1 Дегитаева Л.Д. Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.) // Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан. - Алматы, 2000. - 333 с.
- 2 Карпыкова Г.А. Из истории немцев Казахстана (1921-1975 гг.) // Сборник документов. - Алматы-Москва: Готика, 2000. - 376 с.
- 3 Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. - Москва: ИНСАН, 2002. - 240 с.
- 4 Анес Г. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / Анес Г. - Алматы: Арыс - Казахстан, 1998. - 428 с.
- 5 Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах // История СССР. - 1989. - № 6. - С. 135-144.
- 6 Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. - 1990. - № 7. - С. 32-45.
- 7 Алексеенко Н. В. Усть-Каменогорск и устькаменогорцы / Алексеенко Н. В. - Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1995. - 77 с.
- 8 Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н., Ерофеева И. В., Масанов Н. Э. История Казахстана народы и культура / Н. В. Алексеенко, А.Н. Алексеенко, И.В. Ерофеева, Масанов Н.Э. - Алматы: Дайк-Пресс, 2000. - 680 с.
- 9 Омаров М., Какен А. Познание себя к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане / М. Омаров, А. Какен. - Алматы: Аль-Фараби, 1998. -122 с.
- 10 Штрек В.К. Немцы Страницы истории и сегодняшний день / В.К. Штрек. - Алматы: Білім, 1999. - 148с.
- 11 Кан Г.В. Корейцы Казахстана / Г.В. Кан - Алматы: Казахстан, 1994. - 248 с.
- 12 Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг.: депортация и положение в условиях режима спецпоселения: дисс. канд. ист. наук. - Усть-Каменогорск, 2000. - 151 с.
- 13 Выселение корейцев из Дальневосточного края // Отечественная история. -1992. - № 6. - ноябрь-декабрь. - С. 140-167.
- 14 Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.1987. Оп.1. Д. 4.
- 15 Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф.1987. Оп.1. Д. 16.
- 16 Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф. 1987. Оп.1. Д. 1.
- 17 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф.462. Оп.4. Д. 21.
- 18 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф.1П. Оп.1. Д. 4996.
- 19 Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф.708. Оп.9. Д. 316.
- 20 Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф.708. Оп.9. Д. 1027.
- 21 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф.1П. Оп.1. Д. 4238.
- 22 «Центр документации новейшей истории» управления цифровизации и архивов Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ) Ф. 807. Оп.1. Д. 13.
- 23 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 1 п. Оп.1 Д. 2741.
- 24 «Центр документации новейшей истории» управления цифровизации и архивов Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ) Ф. 807. Оп.1. Д. 18.
- 25 Аягузский филиал Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф.2. Оп.2. Д.8.
- 26 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф.1. Оп.1. Д. 219.
- 27 Аягузский филиал Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 22. Оп. 2. Д. 13.
- 28 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 1 П. Оп.1. Д. 5333.
- 29 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 1 П. Оп.1. Д. 5953.
- 30 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 1 П. Оп.1. Д. 7070.
- 31 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 1П. Оп. 1. Д. 7119.
- 32 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 1 П. Оп.1. Д. 7397.
- 33 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) Ф. 1 П. Оп.1. Д. 7338.

Б.Ж. Атантаева¹, Т.А. Камалжанова²

Шәкәрім атындағы университет, Семей, Қазақстан

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

**Күнделікті өмірдегі депортация үрдісі:
Шығыс Қазақстан өңірі бойынша деректер және материалдар**

Аңдатпа. Орталық мемлекеттік мұрағат және Қазақстан Республикасы Президенті Мұрағатының (Алматы), Шығыс Қазақстан облысының (Өскемен, Семей, Аягөз) өңірлік мұрағаттарында сақталған, зерделенген құжаттық көздерінің негізінде Шығыс Қазақстан облысының аумағына депортацияланған халықтардың: немістер, шешендер, ингуштар және т.б. халықтардың күнделікті тұрмысының шынайы көрінісі туралы осы мақалада қарастырылған.

1930 жылдардың соңында депортацияланған халықтар аудандарға арнайы қоныстануға («арнайы қоныстанушылар», «арнайы қоныс аударушылар» деген атау осыдан шыққан) жіберілді. Мұндай аумақтардың қатарына Қазақстан да кірді. Туған жерлерінен мәжбүрлеп шығарылған халықтар ресми түрде толыққанды кеңес азаматтары мәртебесін сақтап қалды, бірақ көшіп-қону және тұрғылықты жерді еркін таңдау құқықтары болмады.

Мұрағаттағы құжаттар арнайы қоныс аударушылардың күнделікті өмірін көрсете отырып, қоныстандыруда және оларды жаңа мекендерге орналастыру барысында кездескен қиындықтар мен туындаған мәселелерді көрсетіп, тақырыптың әртүрлі аспектілерін ашуға жол берді. Дереккөздерді зерттеп, жүйелеу кезінде қоныс аударушылардың нақты сандары мен қоныстану үрдісі және олардың шаруашылық-тұрмыстық өмірі мен еңбекпен қамтамасыз ету жолдарын анықтауға мүмкіндік болды.

Құжаттарды талдауда арнайы қоныс аударушыларды жаңа елді мекенге көшіріп орналастыруда біраз қиындықтар туындағанын көрсетті, әсіресе, әлеуметтік және демографиялық салаларда жағымсыз салдарға әкеп соқтырды. Депортацияланған халықтардың жағдайы шаруашылық-тұрмыстық және еңбекпен қамтамасыз ету бойынша қабылданған іс-шараларға қарамастан ауыр болды. Халықтарды депортациялау үрдісі этникалық топтардың материалдық және рухани мәдениетінің орны толмас күйреуіне себепші болды, адамдардың әлеуметтік жағдайы мен өмір сүру деңгейі төмендеді. Бірақ жергілікті халықтың қолдауымен көшіп келген халықтар жаңа жағдайларға бейімделіп, қиын кезеңде өлкенің экономикалық дамуына өз үлестерін қосты.

Мақалада аймақтық мұрағаттық құжаттарға мұқият талдаулар жасалынды, сол талдаудың негізінде зерттеуде қойылған міндеттерді шешуге және тиісті қорытынды жасауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: мұрағат құжаттары; этнос; депортация; шешендер; немістер; арнайы қоныс; Шығыс Қазақстан облысы.

B.Zh. Atantayeva¹, T.A.Kamaljanova²

¹Shakarim University of Semey, Kazakhstan

²L.N.Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Deportation Everyday Life: sources and materials (in case of East Kazakhstan)

Abstract. Based on the studied documentary sources of the Central State Archives and the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (Almaty), regional archives of the East Kazakhstan (Ust-Kamenogorsk, Semey, Ayaguz), where is a whole layer of documents on the topic under consideration, an objective picture of everyday life peoples deported to the territory of the East Kazakhstan: Germans, Chechens, Ingush, etc. are recreated.

In the late 1930s, the deported peoples were sent to remote areas for special settlements (hence the name «special settlers», «special settlers»). Kazakhstan was also included among such territories. Whole peoples forcibly evicted from their homes formally retained the status of full-fledged Soviet citizens but were deprived of the right of movement and free choice of residence.

The documents contained in the archives make it possible to reveal various aspects of the topic under consideration, showing the daily life of the special settlers: the difficulties and problems they encountered during resettlement and placement in a new place. The systematization of the identified sources made it possible to determine the number and resettlement of the special settlers, their household and labor structure. Analysis of the documents showed that the placement of the special settlers in the new place was difficult, which led to negative social and demographic consequences. The situation of the deported peoples, despite the measures taken for the household and labor arrangement, was difficult.

The deportation of peoples led to irreparable damage to the material and spiritual culture of ethnic groups, doomed people to a low social status and standard of living. However, thanks to the support of the local population, people were able not only to survive, but also by adapting to new conditions, to contribute to the economic development of the region at this difficult time.

The article provides a thorough and detailed analysis of the sources of the regional archive, which made it possible to solve the tasks, set in the work and draw appropriate conclusions based on the analysis.

Key words: archival documents; ethos; deportation; Chechens; Germans; special settlement; East Kazakhstan region.

References

1 Degitaeva L.D. Iz istorii poliakov v Kazakhstane (1936-1956 gg.) [From the history of the Poles in Kazakhstan (1936-1956)], Sbornik dokumentov: Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Collection of documents: Archive of the President of the Republic of Kazakhstan] (Almaty, 2000).

2 Karpykova G.A. Iz istorii nemtsev Kazakhstana (1921-1975 gg.) [From the history of the Germans in Kazakhstan (1921-1975)], Sbornik dokumentov [Collection of documents] (Gotika, Almaty-Moscow, Gotika, 2000, 376 p.)

3 Bugai N.F. Deportatsiia narodov Kryma [Deportation of the peoples of Crimea] (INSAN, Moscow, 2002, 240 p.)

4 Anes G. Deportirovannye v Kazakhstan narody: vremia i sud'by [Peoples Deported to Kazakhstan: Time and Fates] (Arys- Kazakstan, Almaty, 1998, 428 p.)

5 Bugai N.F. K voprosu o deportatsii narodov SSSR v 30-40-kh godakh [On the question of the deportation of the peoples of the USSR in the 30-40s], Istoriia SSSR [From the history of USSR] – 6, 135-144 (1989)

6 Bugai N.F. Pravda o deportatsii chechenskogo i ingushskogo narodov [The truth about the deportation of the Chechen and Ingush peoples], Voprosy istorii [History Matters] –7, 32-45 (1990)

7 Alekseenko N.V. Ust'-Kamenogorsk i ust'-kamenogortsy [Ust'-Kamenogorsk and Ust'-Kamenogorsk residents] (Poligrafiia, Ust'-Kamenogorsk, 1995, 77 p.)

8 Alekseenko N.V., Alekseenko A.N., Erofeeva I.V., Masanov N.E. Istoriia Kazakhstana narody i kul'tura [History of Kazakhstan: peoples and culture] (Daik-Press, Almaty, 2000, 680 p.)

9 Omarov M., Kaken A. Poznanie sebja k voprosu o nesostoiavsheisia nemetskoj avtonomii v Kazakhstane [Self-knowledge to the question of the failed German autonomy in Kazakhstan.] (Al'-Farabi, Almaty, 1998, 122 p.)

10 Shtrek V.K. Nemtsy (stranitsy istorii i segodniashnii den') [Germans (Historical chapters and the present age)] (Bilim, Almaty, 1999, 148 p.)

11 Kan G.V. Koreitsy Kazakhstana [Koreans of Kazakhstan] (Kazakhstan, Almaty, 1994, 248 p.)

12 Burgart L.A. Nemtsy v Vostochnom Kazakhstane v 1941-1956 gg.: deportatsiia i polozhenie v usloviiakh rezhima spetsposeleniia [Germans in East Kazakhstan in 1941-1956: deportation and the situation under the conditions of the special settlement regime]: diss. kand. ist. nauk.- Ust'-Kamenogorsk, 151(2000)

13 Vyselenie koreitsev iz Dal'nevostochnogo kraia [Eviction of Koreans from the Far Eastern Territory], Otechestvennaia istoriia. – 6, 140-167 (1992).

14 Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan] F.1987. Op.1. D. 4.

15 Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F.1987. Op.1. D. 16.

16 Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F. 1987. Op.1. D. 1.

17 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F.462. Op.4. D. 21.

18 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F.1P. Op.1. D. 4996.

19 Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (APRK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan] F.708. Op.9. D. 316.

20 Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (APRK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan] F.708. Op.9. D. 1027.

21 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F.1P. Op.1. D. 4238.

22 «Tsentri Dokumentatsii Noveishei Istorii» upravleniia tsifrovizatsii i arkhivov Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (TsDNI) [Center for Documentation of Contemporary History of the Department of Digitalization and Archives of East Kazakhstan Region]. F. 807. Op.1. D. 13.

23 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F. 1 p. Op.1 D. 2741.

24 «Tsentri Dokumentatsii Noveishei Istorii» upravleniia tsifrovizatsii i arkhivov Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (TsDNI) [«Center for Documentation of Contemporary History» of the Department of Digitalization and Archives of East Kazakhstan Region]. F. 807. Op.1. D. 18.

25 Aiaguzskii filial Gosudarstvennogo arkhiva Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [Ayagoz branch of the State Archives of the East Kazakhstan region] F.2. Op.2. D.8.

26 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F.1. Op.1. D. 219.

27 Aiaguzskii filial Gosudarstvennogo arkhiva Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [Ayagoz branch of the State Archives of the East Kazakhstan region]. F. 22. Op. 2. D. 13.

28 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F. 1 P. Op.1. D. 5333.

29 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F. 1 P. Op.1. D. 5953.

30 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F. 1 P. Op.1. D. 7070.

31 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F. 1P. Op. 1. D. 7119.

32 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F. 1 P. Op.1. D. 7397.

33 Gosudarstvennyi arkhiv Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (GAVKO) [State Archive of the East Kazakhstan region]. F. 1 P. Op.1. D. 7338.

Сведения об авторах:

Атантаева Бакыт Жумагазиевна – автор для корреспонденции, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и политологии, университет имени Шакарима, Семей, Казахстан.

Камалджанова Тахира Анваржановна – кандидат исторических наук, и.о. доцента, кафедра международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.

Atantayeva Bakyt – Corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Professor, History and Political Science Department, Shakarim University, Semey, Kazakhstan

Kamaljanova Takhira – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, International Relations Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan